

Андрей ВОРОБЬЕВ,
Академик РАН и РАМН, профессор, доктор медицинских наук

Письмо после похорон

Дорогая родня Тихона Николаевича!

Вчера провожали Тихона Николаевича Хренникова. В Малом зале Консерватории было много народа. Но мы с Мариной Добрыниной почти никого не знали. Распорядитель водил Швыдкова и излучал какое-то недружелюбие. Потом – речи людей, о которых у нас, почти о каждом, – вопрос: кто это? Микрофон поставили в дверях, поэтому акустика – и это в Малом зале! – никакая (впрочем, может быть мы и сами изрядно стали глуховаты).

В общем, я не выступил. А должен был сказать слова благодарности памяти от Николиной Горы, от себя, конечно. Не сказал и не сказал. Этого не вернешь. Да вы бы ничего и не услышали. А хотелось сказать именно вам и тем немногим, кому эти слова могли быть близки.

От Николиной Горы. Подумаешь, дачный поселок, какой-то «РАНИС»! Так-то так. Но у нас повелось места помечать в памяти народной не случайно. Это еще вопрос: был бы тот Онегин, без которого и нас нет, если бы не существовало микроскопического Михайловского, Сороти, озера Кучаны справа и Маленца слева под горой, а вдали, за озером белеющего дедова дома в Петровском.

Антонина Васильевна Нежданова, Валерия Борисовна Барсова, Сергей Петрович Юдин, Сергей Сергеевич Прокофьев, Василий Иванович Качалов, Викентий Викентьевич Вересаев, Александр Александрович Яковлев, Александра Яковлевна Бруштейн... Это – резко сокращенный перечень от «искусства». А от «науки» и начинать-то трудно: Василий Александрович Чайнов, Отто Юльевич Шмидт, Андрей Николаевич Туполев...

Хренников – многолетний председатель кооперативного поселка, где каждая аллея, где берег реки, наш сосновый бор, наши «окна», наши концерты творили культуру страны, о которой говорят, что ее уже нет. Вот того, что больше ни у кого на планете нет такой задушевной музыки, такой человеческой литературы, не ошибемся. А умерла ли наша Россия, в том числе и наша рабоче-крестьянская советская Россия, это мы еще посмотрим.

Тихон Николаевич – великий советский композитор. Тут – ни убавить, ни прибавить. Мелодичная, проникающая в душу музыка, рожденная где-то в глубине народного духа, простите, вышибающая слезы на глазах, создается сердцем – теплым и очень добрым. Профессиональные музыканты делят музыку на «легкую» и «классическую». Грешным непрофессионалам трудно в этом разобраться. Часто в Большом зале видел студентов, которые игру пианиста сверяли с нотами. Что и чем они воспринимают? Музыку, ведь ни на какой язык, что бы ни говорили про ее конструкцию, сходную с архитектурой, математическим построением «золотого сечения», не переведешь. А если кто-то выразит ее словами, то самую главную прелесть песни «Соловей о розе» (в исполнении Александровича) потеряет.

Т.Н. Хренников – неповторимый композитор. Конечно, он – из великой династии: Шебалин – Мясковский – Лядов – Римский-Корсаков... и далее без остановки до Глинки. Но и через Тихона Николаевича – Пахмутова. «Нет, весь я не умру. Душа в заветной лире мой прах переживает. И тленья убежит...»

Популярная «Фантазия» Шуберта (Лена Сорокина с мужем – Бахчиевым сопровождают ею фильм «Московская сага») – «легкая» или «классическая»? А концерт для скрипки с оркестром Бетховена местами – хоть пой за столом. У Тихона

Николаевича были классические произведения. Но какими произведениями он вошел в нашу жизнь, а потом в историю, судить потомкам. Говорят, что Тихон Николаевич обижался на кого-то из наших пианистов, что его произведений мало играли. Пусть так и было. Но разве мы можем представить себе оратором и защитником Союза композиторов Эмиля Григорьевича Гилельса или Святослава Теофиловича Рихтера? Это, конечно, им не в укор. Святослав Теофилович говорил: «Я твердо знаю, что ничего изменить не смогу». Поэтому к телефону за него подходила Нина Львовна. Но, когда тиран решил в очередной раз и по очередному направлению громить нашу культуру (имея ввиду, конечно, ее представителей), он сориентировался на предполагаемого мужичка из провинции. Имя «Тихон», фамилия «Хренников». Молодой! Этот де не подведет. И – напоролся – редкостной чистоты русского интеллигента. Все понимали: «Лай не лай, а хвостом виляй». Но одно дело «вилять хвостом», другое помогать головы рубить, как шло повсюду. (Тогда ходила шутка про руководителей Союзов – писателей, композиторов: одним руководил старый хрен Тихонов, другим – молодой Тихон Хренников.)

Это сегодня пошлые либералы из кухонных крикунов знают, как надо было себя вести в лихие времена. С них спросу нет. Но была сверхзадача для Хренникова: спасти советскую музыку. Он с умом и с честью свою роль сыграл, историческую роль! И спас всех. Никто не пропал.

Я боготворил Тихона Николаевича за это. В 1992 году сам попал в такой переplet (в здравоохранении), когда поставлено было все громить: фундаментальную науку, промышленность, культуру, образование, здравоохранение. У него учился. Нигде с «контр Ельцин» не выступал. Но сжал зубы и не дал уничтожить ни один научно-исследовательский институт, ни одну клинику, клиническую школу, ни одну больницу не позволил закрыть или «приватизировать».

А в те старые жуткие времена можно было Хренникова и убрать. Кто-кто, а он это хорошо понимал. Но на себя брать такую пакость охотников не нашлось. В целом настоящих злодеев не так уж много. Встретивши сопротивление, «волки» отходят в сторону и либо ищут слабинку в другом месте, либо довольствуются тем, что плохо лежит.

Было короткое светлое время «Съезда Народных Депутатов». Как-то подошел к Тихону Николаевичу с вопросом о попытках хоть что-то решать и начал говорить о секретаре ЦК, который рядился в тогу «идеолога» (или что-то в этом роде) «перестройки». Ответ был неожиданно резким: «Вы что, А.И., не видите? Это жаба, а не человек, он холуй. Встает перед телефонной трубкой, когда звонит Раиса Максимовна. Ничего он делать не будет». Вскоре этот человек стал одним из гонителей идеалов «перестройки», ее цели: «Восстановление ленинских норм партийной жизни», коллективного руководства в стране при социалистической ориентации. Он оказался во главе тех жуликов истории, которые спрессовали ее, чтобы объединить Ленина со Сталиным, революцию 1917 года с контрреволюцией – переворотом 1923-27 годов, с коллективизацией, «1937» годом.

В общем, соединили Робеспьера с Бонапартом только за тем, чтобы оправдать тотальное разграбление и разорение страны, единственно – во имя личного обогащения. Надо было убедить толпу, что нынешнее мракобесие на самом деле есть попытка исправить нечто сделанное «историческими глупцами» в октябре 1917 года. А ведь сразу после Октября страна запела такие песни, каких рабы петь не могут и не будут, стала побеждать на высших музыкальных конкурсах. Что-то «освобожденный» ноне капитал нам своего Хренникова никак не поднесет. Вообще петь перестали. Всюду прет нахальный тупой «там-там», пошлейшая развратная

эстрада. Наверное, есть и замечательные таланты. Но «соколу в неволе не живется», а соловью – не поется.

Два слова – про свою дачу и мои благодарности ушедшему нашему никологорскому председателю. В 1940 году (родителей арестовали в 1936 году) нас с дачи выставили. В 1961 году вернули полдачи (по суду). С соседями мы ладили, но все-таки напряженка некоторая была (мы с Володей Лаврентьевым – друзья детства, но другие иначе). И вдруг осталась бесхозная дача профессора Российского. Мама попросила Тихона Николаевича передать ее Лаврентьевым, а нам вернуть старую нашу избу целиком. Ясно, что такое дача и участок на Николиной Горе. Ясно, что были и иные предложения. И хорошее давление было. Но Тихон Николаевич все взял на себя. Провел молниеносное Правление, потом собрание и наши семьи разъехались в свои дачи.

Конечно это – частность. Но тот факт, что семьи почти всех реабилитированных на Николиной Горе вернулись либо на свои дачи, либо им помогли построиться в нашем поселке, это – не частность, а – явление. И тот факт, что первый в стране памятник жертвам сталинской тирании был открыт именно на Николиной Горе, тоже – не частность.

Вообще, на фоне постепенного сползания страны к потере ее бывшей высокой морали, сохранение островка культуры, человеческой теплоты, пусть и в малом людском собрании, каким была Николина Гора, есть дело общенациональное, а не частное. И тут Тихону Николаевичу, безусловно, принадлежит роль первой скрипки; и – на протяжении многих-многих лет.